

*Тренеру Рону Акселю за то,
что был мне великолепным наставником
и другом*

ГЛАВА 1

Тут сидели четыреста человек — и большинству не суждено было выйти до конца жизни.

А дальше их ждал ад — на остаток вечности.

Толстые бетонные стены были изрисованы уродливыми граффити, в своей откровенности не оставлявшими простора для воображения. Грязь накапливалась на них слой за слоем, как осадок в сточном колодце. Стальные решетки погнулись и искривились, но взломать их руками было по-прежнему невозможно. Отсюда случались побеги, но ни одного за последние тридцать лет — потому что бежать было некуда. Люди снаружи были нисколько не дружелюбнее, чем те, что внутри.

И у них было больше оружия.

Старик в миллионный раз закашлялся и сплюнул кровь, свидетельствующую о близости смерти очевиднее любого медицинского заключения. Он знал, что умирает, вопрос был только когда. Тем не менее он еще держался. У него оставалось одно дело, и он понимал, что другого шанса не представится.

Эрл Фонтейн казался крупным, но когда-то был еще больше. Тело усыхало из-за рака, пожиравшего его изнутри. Лицо покрылось сетью глубоких морщин под воздействием времени, четырех пачек сигарет с ментолом в день, отвратительного питания, но в первую очередь — острого ощущения несправедливости. Кожа истончилась и обвисла от десятилетий за решеткой, без солнечного света.

Он с трудом сел на кровати и обвел глазами других обитателей отделения. Их было семеро — все в лучшем состоянии, чем он. У них еще был шанс выйти отсюда на своих ногах. У него — нет. Но, несмотря на свое состояние, он улыбался.

Заключенный с койки напротив заметил его довольную физиономию и крикнул Эрлу:

— И какого черта ты лыбишься, а? Давай расскажи нам тоже, всем интересно!

Эрл позволил улыбке распространиться по всему своему широкому лицу. Он сумел это сделать, хотя боль ползла у него по костям, как будто их пилили зубчатой пилой.

— Я выберусь отсюда, Мелкий, — ответил Эрл.

— Чуть собачья, — фыркнул другой заключенный, которого тут называли Мелким — без очевидных причин. Он изнасиловал и убил пять женщин в трех округах просто потому, что им не повезло встретиться ему на пути. Власти старались изо всех сил, чтобы подлечить его и предать официальной казни, назначенной через два месяца.

Эрл кивнул.

— Выберусь отсюда.

— Как?

— В гробу, Мелкий, как и ты, тупая задница.

Эрл зашелся смехом; Мелкий покачал головой и снова мрачно уставился на трубку своей капельницы. Трубка была такая же, как та, по которой ему введут смертельное лекарство, что положит конец его жизни в камере смерти штата Алабама. Наконец он отвел взгляд, прикрыл веки и стремительно провалился в сон, как будто тренировался перед окончательным забытием, предстоявшим ему ровно через шестьдесят дней.

Эрл откинулся на подушку и погромел цепью, пристегнутой к наручнику на его правом запястье. Цепь крепилась к ржавому, но от этого не менее прочному железному кольцу, торчавшему из стены.

— Я выберусь отсюда, — прохрипел он. — Пусть отправляют за мной своих сраных ищек!

Его одолел новый приступ кашля, продолжавшийся до тех пор, пока санитар не подал ему воды и таблетку и не хлопнул по спине. Он помог Эрлу сесть повыше.

Скорее всего, санитар не знал, почему Эрл оказался в тюрьме, а если и знал, ему было все равно. Все в их заведении строгого режима натворили что-нибудь страшное, так что впечатлить сотрудников было невозможно.

— Давай-ка успокойся, Эрл, — сказал санитар. — Ты делаешь себе только хуже.

Эрл притих, повозился спиной на подушке, потом посмотрел на санитаря:

— Куда хуже-то? Вроде как некуда.

Санитар пожал плечами.

— Всегда может стать хуже. И вообще, тебе надо было думать об этом до того, как ты сюда угодил.

Встрепенувшись, Эрл наклонился к нему:

— Слушай, парень, не подкинешь мне сигаретку? Просто сунь мне между пальцев и зажги. Я никому не скажу, что это ты дал. Клянусь всем святым... и что там еще полагается... хоть я и не очень богобоязненный.

Санитар побледнел от одной мысли о чем-то подобном:

— Знаешь, может, в семидесятом это еще бы и прокаатило. Но ты же подключен к кислороду, Эрл! Одна искра, и мы все взлетим на воздух. *Бум!*

Эрл ослабилися, демонстрируя желтые зубы, торчавшие через один.

— Пусть уж я лучше взорвусь, чем это дерьмо сожрет меня живьем.

— Да? Но мы-то еще хотим пожить. Это проблема большинства людей — все думают только о себе!

— Ну же, одну сигаретку, друг! Мне нравится «Винстон». Есть у тебя «Винстон»? Это мое предсмертное желание. Ты должен его исполнить. Вроде последнего ужина. Таков чертов закон! — Он погромел цепью. — Последнюю сигаретку. Ну, дай ее мне! — Он погромел цепью погромче. — Дай!

Санитар сказал:

— Ты умираешь от рака легких, Эрл. А откуда он у тебя, по-твоему, взялся? В этом-то все и дело. Их не зря называют *раковыми палочками*, на то есть чертовски веская причина. Иисус, Мария и Иосиф! С твоей глупостью тебе надо благодарить Господа, что ты протянул так долго.

— Дай мне сигарету, ты, тупой придурок!

Санитару явно надоело возиться с Эрлом.

— Слушай, у меня и без тебя хватает хлопот. Давай проведем этот день тихо, ладно, старик? Я совсем не хочу вызывать охранника. Сегодня смена Альберта, а он терпением не отличается. Проломит тебе череп дубинкой и не поглядит, что ты умираешь, а потом наврет с три короба в отчете, и никто не станет проверять. Он парень суровый, ты сам знаешь.

Прежде чем санитар отвернулся, Эрл спросил:

— Ты в курсе, почему я здесь?

Санитар хмыкнул:

— Давай-ка подумаем. Потому что ты умираешь, а штат Алабама не отпустит такого, как ты, в хоспис, даже если твое содержание здесь обходится ему в копейку.

— Нет, я не про госпиталь. Я про тюрьму, — изрек Эрл, и его голос стал хриплым. — Дай мне еще воды. Я же могу получить воду в этом проклятом месте, да ведь?

Санитар налил воду в стакан, и Эрл с жадностью выпил ее до дна. Потом утер рот и с новообретенной энергией выпалил:

— Я попал за решетку двадцать лет назад. Сначала на пожизненное, в федеральной тюрьме. Но тут меня притянули снова, подвели под смертную казнь. Все адвокаты, эти сукины дети. Штат взял меня за задницу. И федералы им позволили. Просто отдали меня — на раз! Есть у меня права? *Никаких*, черт побери, если они могут так делать. Понимаешь, о чем я толкую? Все только потому, что я ее убил. В федеральной тюрьме у меня было теплое местечко. А теперь погляди на меня! Спорить могу, я заработал рак из-за этой дыры. Точно тебе говорю. Он тут, в воздухе. Повезло еще, что СПИД не подхватил.

Он задрал брови и понизил голос:

— Ты *знаешь*, что он тут у каждого второго.

— Угу, — пробормотал санитар, проверявший файл другого пациента в своем ноутбуке. Тот стоял поверх тележки с запирающимися отделениями, где хранились лекарства.

Эрл выдохнул:

— Я торчу тут двадцать лет плюс еще почти два. Чертову уйму времени.

— Да, с математикой у тебя порядок, Эрл, — рассеянно ответил санитар.

— Первый Буш еще был президентом, но потом тот парень из Арканзаса победил его на выборах. Их как раз показывали по телику, когда я сюда попал. Значит, был девяносто второй. Как, кстати, его звали? Того парнишку. Говорили, он еще наполовину цветной.

— Билл Клинтон. И никакой он не цветной. Просто играл на саксофоне и иногда заглядывал в афроамериканские церкви.

— Точно. Он. С тех пор я тут и сижу.

— Мне было семь.

— Чего? — рыкнул Эрл, прищуриваясь, чтобы лучше видеть. Он привычным жестом погладил живот, пытаясь утишить боль.

Санитар ответил:

— Мне было семь, когда Клинтона избрали. Мать с отцом совсем растерялись — они были республиканцы, конечно, но он вроде тоже происходил с юга. Думается, они оба голосовали за него, но не хотели в этом признаваться. Да и ладно. Это же *Алабама*, в конце концов. Либерал тут победит, когда рак на горе свистнет. Ты со мной согласен?

— Милая Алабама, — Эрл кивнул головой. — Я тут долго прожил. Семья у меня была. Но сам я из Джорджии, сынок. Я — тамошний персик¹. Не мальчуган из Алабамы.

— Ясно.

¹ Персик — символ Джорджии, официальное прозвище которой — Персиковый штат.

— Но меня отправили в местную тюрьму за то, что я *понаделал* в Алабаме.

— Понаделал, да. Хотя, опять же, какая разница. Джорджия, Алабама — два сапога пара. Другое дело, если бы тебя сослали в Нью-Йорк. Или в Массачусетс. Вот это правда как другая страна, черт их деря.

— За то, что я понаделал, — повторил Эрл шепотом, все еще потирая живот. — Терпеть не могу евреев, цветных и католиков. Пресвитерианцев¹ тоже не люблю.

Санитар покосился на него и с усмешкой переспросил:

— Пресвитерианцев? Они-то что тебе сделали, Эрл? Это ж все равно что ненавидеть амишей².

— Развизжались как свиньи на бойне, вот что они сделали, уж поверь мне. В основном, впрочем, евреи и цветные. — Он пожал плечами и вытер пот со лба углом простыни. — Но, если по-честному, я вроде ни одного пресвитерианца не убил. Как-то они мне не попадались, а то я бы не упустил возможность.

Улыбка расползлась по его лицу и достигла глаз. И по этой улыбке можно было с уверенностью сказать, что, несмотря на возраст и болезнь, Эрл Фонтейн оставался убийцей. *Все еще* оставался. И всегда останется — до самой смерти. Которая откладывалась слишком долго, по мнению законопослушных обывателей.

Санитар отпер одно из отделений тележки и достал какие-то лекарства.

— Ну и зачем тебе поступать так с ними, а? Они ж тебя не трогали, ни один, поклясться могу.

Эрл откашлялся и сплюнул мокроту в стакан. Пробормотал хмуро:

— Достаточно того, что они просто живут. Для меня это уже причина.

¹ Пресвитерианство — протестантская конфессия, основанная на британском умеренном варианте кальвинизма.

² Амиши (амманитство) — распространенная в основном в Северной Америке протестантская конфессия, ведущая происхождение от европейского меннонитства, члены которой исповедуют пацифизм и ненасилие и ведут скромный и архаический образ жизни.

— Думается, именно поэтому ты тут и очутился. Но тебе пора бы примириться с Господом нашим, Эрл. Они же все дети Божьи. Тебе надо встать на истинный путь. Ты скоро с ним увидишься.

Эрл расхохотался во всю силу оставшихся легких. Потом успокоился, и лицо его разгладилось.

— Ко мне люди придут.

— Очень хорошо, Эрл, — сказал санитар, делая укол обезболивающего заключенному на соседней кровати. — Семья?

— Нет. Свою семью я убил.

— И почему? Они были евреи, или пресвитерианцы, или цветные?

— Люди придут меня повидать, — ответил Эрл. — Со мной еще не кончено, понял?

— Угу. — Санитар проверил карточку другого пациента. — Постарайся правильно распорядиться временем, которое тебе осталось, старик. Часики-то тикают — для всех нас.

— Сегодня придут, — повторил Эрл. — Я тут на стене отметил, погляди.

Он указал на бетонную стену, с которой ногтем сколупывал краску.

— Сказали, шесть дней, и придут повидаться со мной. Вот тут шесть отметин. С математикой у меня порядок. Башка еще варит о-го-го.

— Ну, тогда передай им от меня привет, — сказал санитар, укатывая с собой тележку.

Эрл лежал неподвижно и смотрел на дверь палаты, когда на пороге возникли двое. Оба в черных костюмах и белых рубашках, в начищенных черных ботинках. Один был в очках в черной оправе. Второй выглядел так, будто только выпустился из старшей школы. У обоих в руках Библии, лица ласковые, с заботливым выражением. Респектабельные, смиренные, законопослушные граждане. На самом деле — ничего подобного.

Эрл встретился с ними глазами.

— Пришли повидаться со мной, — пробормотал он, внезапно становясь собой прежним. Когда-то у него была в жизни цель. Пускай ему оставалось недолго, она появилась у Эрла опять.

«Свою семью я убил», сказал он, но это было не совсем точно. Он убил жену и закопал ее тело в подвале под домом. Его нашли много лет спустя. Вот почему он оказался тут и был приговорен к смерти. Следовало найти место получше, чтобы спрятать труп, но ему было не до того. Он занимался делом — убивал других.

Федеральное правительство отдало Эрла штату Алабама, который судил его и приговорил к смертной казни за ее убийство. У него уже был запланирован визит в камеру смерти в тюрьме Холман в Этморе; с 2002 года в штате Алабама казнили смертельной инъекцией. Но с некоторых пор сторонники смертной казни настаивали на возвращении «Старого искрилы», стула, осуществлявшего последнее правосудие с помощью электрического тока.

Все это Эрла не беспокоило. Его процесс затянулся настолько, что смерть на электрическом стуле ему не грозила. Причиной был рак. Ирония заключалась в том, что по закону заключенному следовало пребывать в добром здравии, чтобы подвергнуться казни. Так Эрл избежал быстрой и безболезненной смерти, которую природа заменила на куда более долгую и мучительную, от рака легких, запустившего свои щупальца ему в нутро. Кому-то это могло показаться справедливым; Эрл же считал, что ему чертовски не повезло.

Он помахал двоим в костюмах рукой.

Да, он убил свою жену. И еще много кого, хотя точное число уже не помнил. Евреев, цветных, может, и несколько католиков. А то и какого-нибудь пресвитерианца. Кто их разберет! У них же не было удостоверений с указанием, какой веры они придерживаются. Любой, кто вставал у него на пути, должен был умереть. А он позволял встать на своем пути как можно большему количеству людей.

Теперь он был прикован к стене и умирал. Но у него еще оставалось одно дело.

Точнее, один человек, которого следовало убить.

Мужчины казались предельно напряженными. Как будто груз всего мира лежал на их плечах.

В действительности так оно и было.

Президент США сидел в конце небольшого стола. Они находились в Оперативном штабе в подвале западного крыла Белого дома. Подземный комплекс, который иногда называли «погребом», был построен при президенте Кеннеди, после фиаско в Заливе Свиней¹. Кеннеди решил тогда, что не может доверять военным, и потребовал, чтобы его собственная разведывательная служба проверяла все доклады, поступающие из Пентагона. Пришлось пожертвовать боулингом Трумена — комплекс был построен на его месте, а в 2006 году полностью переоборудован.

При Кеннеди в Оперативном штабе дежурил всего один аналитик из ЦРУ, который заступал на двадцатичасовую непрерывную смену и спал прямо там. Позднее в комплексе разместились Департамент внутренней безопасности и кабинет главы аппарата Белого дома. Заправлял там, конечно, персонал из департамента. Пять «вахт» состояли из тридцати — или около того — досконально проверенных сотрудников, находившихся на месте 24/7. Их основной задачей было информировать президента и его приближенных по первоочередным вопросам и обеспечивать мгновенную и защищенную связь с любой точкой мира. У штаба имелся даже защищенный канал с бортом № 1, когда президент путешествовал.

Сам Оперативный штаб был огромным — там хватало места для тридцати и более сотрудников и гигантских мониторов на стенах. До ремонта все деревянные поверхности в нем были выполнены из красного дерева, но потом их заменили на экранирующие материалы — для предотвращения цифровой слежки.

¹ Имеется в виду неудачная попытка свержения режима Ф. Кастро, предпринятая в апреле 1961 г.